

СТАНИСЛАВ АВЕРКОВ

ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ
СМИРНОВ – СЕКРЕТНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ДЕЯТЕЛЬ,
ОБЕСПЕЧИВШИЙ
ОБОРОННОЕ
МОГУЩЕСТВО СТРАНЫ

Станислав Иванович Аверков Леонид Васильевич Смирнов – секретный государственный деятель, обеспечивший оборонное могущество страны

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27803560

*Леонид Васильевич Смирнов – секретный государственный деятель,
обеспечивший оборонное могущество страны:*

Аннотация

«Читателям предлагается одна из первых, изданных в России, книг, раскрывающая рассекреченную ракетостроительную и космическую деятельность Л.В. Смирнова. Леонид Васильевич был председателем Государственной комиссии по запускам космонавтов. Он не только инициировал и контролировал создание в СССР межконтинентальных, стратегических баллистических ракет, чтобы СССР догнал в этом виде ракетного вооружения США. Л.В. Смирнов работал на опережение США, сделав всё возможное для создания в СССР космического „истребителя спутников – ИС“. Этот проект опередил США на тридцать лет, явившись прототипом реальных „Звёздных войн“. Американцы пришли к этому только в 2009 году, уничтожив

в космосе своим спутником „Иридиум-33“ российский спутник „Космос-2251“...»

Содержание

Об авторе. Предисловие	11
Глава I. В Новочеркасский политехнический институт приехал секретный государственный деятель	14
Глава II. Начало и восхождение	20
1. В НПИ не знали о своём герое	20
2. Первые жизненные шажёлки – Кузнецк, Нахичевань-на-Дону, Ростов-на-Дону	23
3. Молодые годы в Новочеркасском индустриальном институте	28
4. Инженер-электрик Л.В. Смирнов в артиллерийской среде	37
5. Военные трудовые будни под контролем наркома вооружения Д.Ф. Устинова	41
6. Государственные командиры оборонного трудового фронта	55
7. Закончилась война. Мирные трудовые будни – новые проблемы	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**Станислав Аверков
Леонид Васильевич
Смирнов – секретный
государственный деятель,
обеспечивший оборонное
могущество страны**

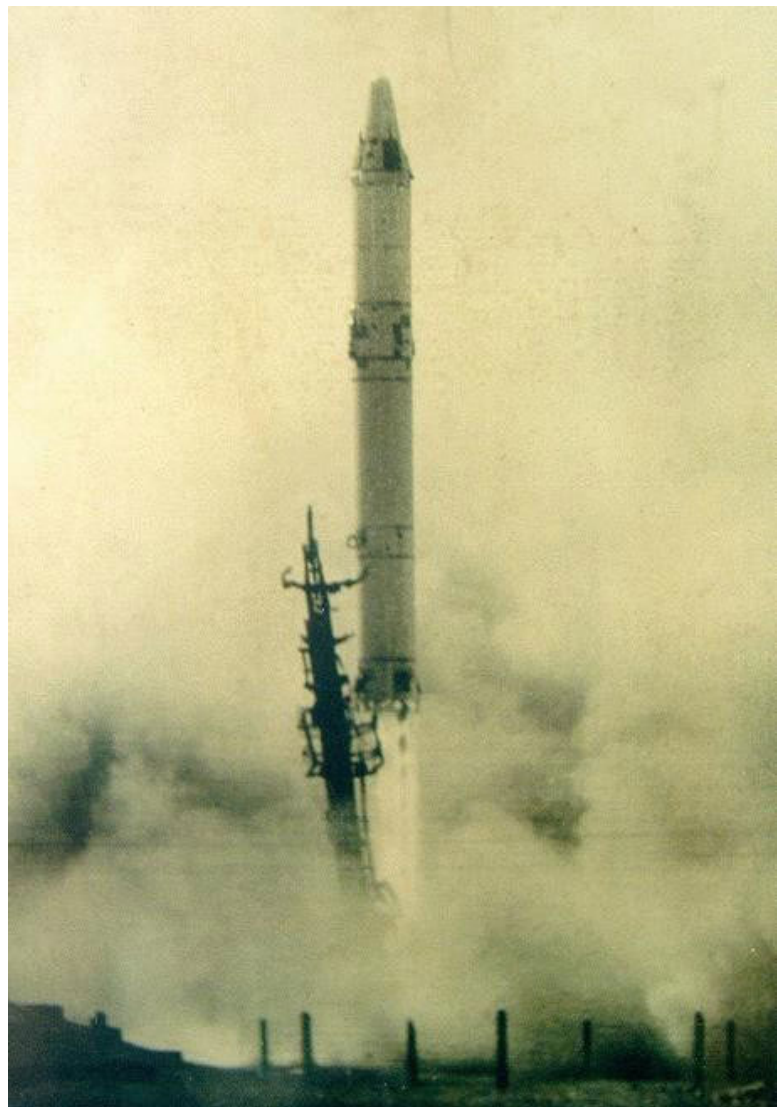
ФОТО:

**ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУ-
ДА**

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИ-
НИСТРОВ СССР**

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ
КОМИССИИ ПРИ СОВМИНЕ СССР**

**ФОТО: СТАРТ ОРБИТАЛЬНОЙ РАКЕТЫ Р-36орб
(8К69), БАЙКОНУР**

**ФОТО: Г.С. ТИТОВ И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУ-
ДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО КОСМИЧЕСКИМ
ПОЛЁТАМ Л.В. СМИРНОВ ПЕРЕД СТАРТОМ. 6 АВ-
ГУСТА 1961 ГОДА**

Об авторе. Предисловие

Выпускник Новочеркасского Индустриального института имени Серго Орджоникидзе (позже переименованного в Политехнический) Леонид Васильевич Смирнов – Дважды Герой Социалистического Труда – был самым засекреченным государственным деятелем в СССР. Он был заместителем председателя Совета Министров СССР, председателем Государственной Военно-промышленной комиссии Советского Союза. Его кабинет находился в Московском Кремле. Ему подчинялись все советские министерства, имевшие отношения к созданию советского вооружения. Американское ЦРУ платило сумасшедшие деньги, чтобы проникнуть в его кремлёвский кабинет.

Читателям предлагается одна из первых, изданных в России, книг, раскрывающая рассекреченную ракетостроительную и космическую деятельность Л.В. Смирнова. Леонид Васильевич был председателем Государственной комиссии по запускам космонавтов. Он не только инициировал и контролировал создание в СССР межконтинентальных, стратегических баллистических ракет, чтобы СССР догнал в этом виде ракетного вооружения США. Л.В. Смирнов работал на опережение США, сделав всё возможное для

создания в СССР космического «истребителя спутников – ИС». Этот проект опередил США на тридцать лет, явившись прототипом реальных «Звёздных войн». Американцы пришли к этому только в 2009 году, уничтожив в космосе своим спутником «Иридиум-33» российский спутник «Космос-2251».

Было и ещё одно из многих достижение Л.В. Смирнова. Под его руководством была создана генеральным конструктором М.К. Янгелем орбитальная ракета «РЗборб», дальность которой превышала сорок тысяч километров. Облетев Земной шар через Южный полюс, она была способна уничтожить не защищённые с юга Нью-Йорк, Вашингтон и разрушить американскую противоракетную оборону на Аляске. Недаром американцы во время длительных переговоров с СССР о подписании Договора об ограничении стратегических вооружений ОСВ-2 потребовали от Советского Союза снятия с вооружения так называемого ими «частично орбитального бомбардировщика», то есть советской орбитальной ракеты «Р-3борб». Неудивительно, что у американцев затряслись поджилки, ведь в то время СССР обладал самым совершенным в мире ракетно-орбитальным оружием. Договор ОСВ-2 между СССР и США был подписан в Вене 18 июня 1979 года. В нём был особый пункт о не применении Советским Союзом против США «орбитальной

ракеты – частично орбитального бомбардировщика».

Глава I. В Новочеркасский политехнический институт приехал секретный государственный деятель

В конце шестидесятых годов в Новочеркасске отмечали очередной юбилей старейшего высшего учебного заведения юга России – Новочеркасского политехнического института имени Серго Орджоникидзе. По институту разнесся слух – приезжает очень важная правительственная персона, окончившая НПИ. По этому поводу будут приняты беспрецедентные меры безопасности. Весь преподавательский состав и всех студентов «прошерстит» КГБ. При малейшем подозрении в связях с границей и даже не уличенного в них КГБ отправит за пределы Новочеркасска. А может быть и сошлёт на Соловки, если подозреваемый предпримет несанкционированные усилия для встречи с правительственной персоной.

Ректор института хранил загадочное молчание. В здании энергетического факультета начались массовые проверки. Кого искали и что искали и кем были эти сыщики, никто не знал. Был перекрыт доступ на институтскую территорию все посторонних лиц. Началась проверка при входе на институт-

скую территорию у студентов студенческих билетов, а у доцентов и профессоров – их удостоверений.

Наконец-то, к главному корпусу НПИ, оцепленному людьми в штатском, подкатила вереница черных лимузинов. Впереди милицейская машина с мигалкой. По институтским ступенькам сбежал ректор института Михаил Александрович Фролов:

– Уважаемый Леонид Васильевич! Ваш родной институт рад приветствовать Вас, своего выдающегося питомца, лауреата Ленинской премии, Героя...

– Михаил Александрович! К чему красноречие! Я так давно мечтал вновь окунуться в политехническую среду Новочеркаска, пройти по аудиториям энергофака вместе с любимым преподавателем Михаилом Владимировичем Пальшау. Что-то я не вижу его среди встречающих? Где мой наставник моей молодости?

Леониду Васильевичу на ухо прошептал первый секретарь Ростовского обкома партии Иван Афанасьевич Бондаренко:

– Ему уже восемьдесят лет. Еле ходит. Болен. Но его уже посадили в «Волгу», встретитесь на Энергофаке.

Далее было торжественное собрание в главном корпусе НПИ. Участники собрания с любопытством рассматривали в президиуме высокого крупнолицого бывшего студента энергофака, а ныне самого неизвестного для них советского государственного деятеля.

Из воспоминаний выпускника электромеханического факультета НПИ 1959 года по специальности «электрические машины и аппараты» кандидата технических наук, лауреата Государственной премии Владимира Тимофеевича Гиленко, заслуженного ракетостроителя, проработавшего в днепропетровском ракетостроительном конструкторском КБ «Южное» более пятидесяти лет:

«... В 1967 году, через восемь лет после окончания вуза я неожиданно получил приглашение из института на Встречу поколений. История этого мероприятия была такой. Руководство института давно хотело пригласить в гости именитого и влиятельного выпускника – Л.В. Смирнова, чтобы получить поддержку в решении своих проблем (в частности, строительства нового корпуса). И вот родилась идея организовать встречу выпускников энергетического факультета разных лет и новоиспеченных студентов.

Такая встреча предполагала демонстрацию преемственности поколений, прогресса в обучении и т. п.

Идея сработала. Л.В. Смирнов с супругой – тоже выпускницей НПИ – приехали на встречу. На торжественном заседании в актовом зале, как обычно, выступали с разными воспоминаниями. Мне как представителю «младшего» выпуска (В.Т. Гиленко закончил НПИ через двадцать лет после Л.В. Смирнова в 1959 году – С.А.) предоставили слово. И я в конце выступления неожиданно для всех обратился к Леониду Васильевичу:

«Я очень хорошо помню, как Вы принимали меня на работу в Днепропетровске. Я также помню, как просил Вас о переводе меня в ОКБ, куда я имел направление Министерства. Я даже вручил тогда Вам нагрудный знак НПИ. Но в переводе мне было отказано. Но, несмотря на это, я на Вас не обижаюсь».

Эти мои слова вызвали взрыв хохота аудитории. Конечно, эта фраза была заранее согласована с руководством встречи. Предполагалось, что аудитория правильно различит тонкую грань между здоровым юмором и фамильярностью. И это оправдалось. В зале понизился градус официоза, начала устанавливаться истинно студенческая атмосфера.

Об этом сказал и сам Л.В. Смирнов в своем выступлении в конце встречи. Перед этим ведущий объявил:

«А теперь слово предоставляется Смирнову... Лёне».

Зал заплодировал, а Леонид Васильевич сказал:

«Я долго колебался при принятии решения о поездке в родной вуз. Но сейчас, когда я услышал «Лёня» и готовность молодежи не обижаться, понял, что только ради этого стоило сюда приехать. Я окунулся в студенческую среду и даже помолодел. Поверьте, это многого стоит. Спасибо всем за этот праздник, возвративший нас в незабываемые студенческие времена».

А руководство института получило желаемое: Л.В. Смирнов подписал необходимые документы на учебно-лабораторный корпус, который вскоре был построен».

На энергофаке встретили Леонида Васильевича Смирнова аплодисментами. Леонид Васильевич с каждым поздоровался. Крепко обнял Пальшау.

Потом был банкет. Зазвенели бокалы.

Леонид Васильевич провозгласил тост в честь своего студенческого наставника Пальшау. А затем, попозже, отвел его в сторонку и спросил:

– Михаил Владимирович, как поживает наш общий любимец курган Хохлач? Помните, как мы с вами выходили за пределы территории института и пытались отыскать древние сокровища?

– Не забыл, Лёня!

– Наконец-то, я услышал от вас то, что хотел услышать, собираясь в Новочеркасск. Даже мои бывшие сокурсники величают меня по имени и отчеству. Так что же, вы нашли остатки золотых скифских сокровищ? Если нам с вами не удалось их отыскать вместе, то, может быть, вам повезло позже?

– Лёня! Молодость есть молодость. Тогда мы с тобой мечтали об электрификации всей страны. И нам сокровища были нужны для её претворения в жизнь. А вместо этого мне впаяли срок, и я оказался в Сибири.

– В тридцать восьмом я неудомавал, зачем? Почему? А через пять лет попытался повлиять на вашу судьбу через наркома Устинова.

– Оказался я в НКВД из-за Хохлача. Кто-то на меня донёс. Так это с твоей помощью я был освобождён и вновь оказался в НПИ?

– Что было, то было. Донская земля претерпела множество необычных исторических превращений. О них можно сочинять исторические романы. О донских сокровищах, золотых и человеческих.

Вернувшись в Москву, Леонид Васильевич, наверняка, припомнил – какими необычными были тридцатые годы! Шла индустриализация страны. Она была необходима для укрепления могущества СССР. Стремительно развивались автостроение, тракторостроение и самолётостроение. Тех, кто предлагал иные способы развития «оборонки», стали уничтожать. В их число попали многие интереснейшие личности. Например, ракетостроители. Если в поверженной в Первой мировой войне Германии додумались развивать ускоренными темпами ракетостроение, не вошедшее в число вооружений, запрещённых для Германии Версальским договором, то в СССР ракетостроение разгромили, расстреляв Тухачевского, Клеймёнова и Лангемака, добывшими немецкие ракетостроительные «ноу-хау» из Германии. Сделали «врагами народа» Королёва, Глушко и даже Туполева. Был репрессирован учитель Смирнова Пальшау. Через двадцать лет Смирнов в команде ярких засекреченных личностей стал уничтоженное советское ракетостроение возрождать на почти разрушенной немецкой основе...

Глава II. Начало и восхождение

1. В НПИ не знали о своём герое

Написать о выпускнике кафедры «Электрооборудование промышленных предприятий» Л.В. Смирнове, получившим в 1939 году после окончания Новочеркасского индустриального института (НПИ) диплом инженера-электрика по специальности «электрические машины и аппараты и электропривод», заставила историческая несправедливость. Побывав в Новочеркасске вместе с В.Т. Гиленко в 2007 году на столетии родного ЮРГТУ (НПИ), я узнал, что Новочеркасский политех гордится многими своими знаменитыми выпускниками, среди которых конструктор М.Л. Миль, кибернетик В.М. Глушков, авиаконструктор М.П. Симонов, министр приборостроения СССР МС. Шкабардня. Но с удивлением обнаружил, что о Леониде Васильевиче Смирнове руководство университета имеет весьма смутное представление, как и до сих пор все жители Донского края. Они знали, что был знаменитый выпускник НПИ, который даже помог институту построить шестиэтажный лабораторный корпус. Но о его трудовой деятельности никто не знал. Не знали об этом и в Ростове-на-Дону, и в Ростовской области. Не вина в том руководителей ЮРГТУ (НПИ) и всех дончан.

Это был один из самых секретных руководителей Советского Союза, за информацию о деятельности которого американское ЦРУ предлагало вознаграждение в миллион долларов. Его офис (выражаясь современным языком) находился в Москве, в Кремле, заседания проводил в Кремлёвском Овальном зале.

.... В 1964 году главный конструктор ракетно-космических систем, академик Сергей Павлович Королев, прибыв в Кремль, прошёл в помещение Государственной Военно-промышленной комиссии. На совещание были приглашены создатели ракетно-космической техники страны. Увидев группу ракетостроителей, Сергей Павлович воскликнул:

– Вопреки моим правилам, мне все же приходится контактировать с днепропетровской ракетной «мафией»! Конечно, только в Кремле, в его Овальном зале! В других местах я обхожу стороной ее главу Янгеля и все потому, что днепропетровцы создают свои ракеты вопреки выведенным моими сотрудниками рекомендациям и законам. И вопреки этим рекомендациям и законам их ракеты прекрасно попадают в цель! И даже выводят в космос аппараты!

Ему ответил один из днепропетровских «мафиози»:

– Вы, Сергей Павлович, не совсем точно выразились. Работаем мы в Днепропетровске, а выходцы из разных регионов СССР. Некоторые приехали из Ростова-на-Дону, из Новочеркасска, есть даже донской казак из станицы Цимлянской!

Сергей Павлович улыбнулся:

– Ты имеешь в виду Леонида Васильевича и Александра Максимовича? Я ведь и сам бывший воспитанник Новочеркасска. Только учился я жизненным правилам не в Новочеркасском политехническом институте, как наш уважаемый председатель ВПК Смирнов, не в Ростовском институте инженеров железнодорожного транспорта, как генеральный директор Южмаша Макаров, а в Новочеркасской тюрьме.

Об этом разговоре часто рассказывали в нашем ракетно-космическом конструкторском бюро «Южное» участники этого совещания. Им пришлось работать в нашей днепропетровской команде, трудившейся над кремлевскими совещаниями, определявшими оборонно-техническое будущее страны. Так что, можно сказать, узнал я о том разговоре из первых уст.

2. Первые жизненные шажёчки – Кузнецк, Нахичевань- на-Дону, Ростов-на-Дону

Л.В. Смирнов, государственный деятель огромнейшего масштаба, родился 3 (16) апреля 1916 года в городе Кузнецке Самарской губернии, ныне Пензенская област, в семье рабочего. В 1921-1922 гг. в Поволжье разразился страшный голод, в результате которого погибло около пяти миллионов человек. Сначала был неурожайный 1920 год, затем небывалую засуху принесла весна 1921 года. В Самарской губернии голодало более 85 % населения.

Вот что писала 27 января 1922 года газета «Правда»:

«В богатых степных уездах Самарской губернии, изобиловавших хлебом и мясом, творятся кошмары, наблюдается небывалое явление повального людоедства...»

Вместе с голодом пришли сопутствующие инфекционные болезни: тиф, дизентерия, малярия и др. В 1922 году заболел тифом и умер глава семьи Василий Иванович Смирнов. Лёше тогда едва исполнилось шесть лет.

Спасаясь от голода и нищеты, трое старших детей уехали на Украину, в Киев, где одновременно работали и учились. Мать, Мария Яковлевна, осталась в Кузнецке с младшими детьми – Леонидом и Полиной.

В сентябре 1924 года Лёня Смирнов пошел в школу второй ступени – ныне это общеобразовательная гимназия № 1 города Кузнецка.

Учился он легко, успешно давались точные науки – математика и физика. Особый интерес, очевидно под влиянием брата Георгия, вызывали у него электричество и электротехника.

До середины 1930 года Леонид жил с матерью в Кузнецке. Окончил там шесть классов школы. В то время она называлась фабрично-заводской семилеткой.

После окончания Киевского политехнического института старший брат Георгий начал работать инженером-электриком в Ростове-на-Дону. В 1930 году к нему переехала из Кузнецка мать Мария Яковлевна с сыном Лёшей. Трое сестёр сначала обосновались в Киеве. Позже старшие – Серафима и Александра – переехали в Ростов-на-Дону, а младшей Полине понравился Ленинград.

Если быть точным, то обосновались Смирновы в той части Ростова-на-Дону, что называлась Нахичеванью-на-Дону.

Город Нахичевань-на-Дону основали в 1779 году армяне, переселившиеся по приказу императрицы Екатерины Великой из Крымского полуострова на Дон. Его они выбрали из-за того, что на его правом берегу находилась российская пограничная таможня с крепостью, названной в честь святого Дмитрия Ростовского. А рядом – торговая речная гавань. На Дону начинался торговый путь по Азовскому и Черному мо-

рям и в Азию, и в Европу. Возле таможни возникли два города – Ростов-на-Дону, а рядом – Нахичевань-на-Дону. Официально Нахичевань стал часть Ростова в 1928 году.

Нахичеванско-донские армяне до сих пор вспоминают, как в тридцатых годах они радовались, видя, что электрификация страны достигла и их города. Как они гордились электромонтером Лёней Смирновым! Они удивлялись, как он, как взаправдашняя куница, вскарабкивался с помощью «кошек» – остроконечных приспособлений – когтей на ботинках – на столбы, налаживая освещение нахичеванских улиц!

В Нахичевани Лёня окончил неполную среднюю школу, с 1930 года учился в школе фабрично-заводского обучения городской электросети Ростова-на-Дону. Школы ФЗУ являлись профессионально-техническими учебными заведениями, осуществлявшими подготовку молодых квалифицированных рабочих. Они создавались при многих крупных предприятиях. Обучение в этих школах было бесплатным, учащиеся находились на гособеспечении: обеспечивались питанием и рабочей одеждой. Кроме того, проходя производственную практику, учащиеся получали небольшую зарплату. Все это было очень важно для Лёши – он старался помогать матери.

В ФЗУ Леонид вступил в комсомол и зарекомендовал себя активным общественником.

Кроме того, он был хорошим спортсменом – отлично бежал на длинные дистанции, плавал, был хорошим велосипе-

дистом, играл в волейбол и баскетбол. Позже – в составе сборных команд энергетиков – объездил многие города страны.

В 1932 году Л.В. Смирнов с отличием окончил ФЗУ по специальности «электромонтер 5-го разряда» и получил свою первую премию – рабочий комбинезон.

Этот период жизни Смирновых был омрачен в 1932 году смертью матери – Марии Яковлевны.

После окончания ФЗУ Лёня Смирнов в 1932-1933 годах работал электромонтером в городской электросети Ростова-на-Дону. В те годы специальность электромонтера была престижной, и когда он лазил по столбам электропередачи, ему завидовали все местные мальчишки. Нахичеванско-ростовские армяне до сих пор вспоминают, как в тридцатых годах они радовались, видя, что электрификация страны достигла и их города. Как они гордились электромонтером Лёней Смирновым! Они удивлялись, как он, как взаправдашняя куница, вскарабкивался с помощью «кошек» – остроконечных приспособлений – когтей на ботинках – на столбы, налаживая освещение нахичеванско-ростовских улиц!

Но Леонид понимал, что ему надо продолжать учёбу. У него была мечта о получении высшего образования. Но где? Выяснилось, что в городе Новочеркасске, расположенном всего в 40 км от Ростова-на-Дону, есть Новочеркасский индустриальный институт, в составе которого – электротехнический факультет. Это то, что было нужно! Для поступления

в институт у Леонида Смирнова были все необходимые данные: трудовой стаж рабочего, он активный комсомолец, трудовой коллектив его поддерживал.

Так был найден путь исполнения мечты, и ростовско-нахичеванский период жизни Л.В. Смирнова (1930-1933 годы) завершился.

3. Молодые годы в Новочеркасском индустриальном институте

В 1933 году поступил на энергетический факультет Новочеркасского индустриального института (после Великой Отечественной войны с фашистами был переименован в «политехнический», в наше время стал «Южно-Российским Государственным Техническим Университетом – ЮРГТУ(НПИ)).

Из-за возникшего трудного семейного положения (надо было кормить семью) Леонид Смирнов в 1934 году перевелся на вечернее отделение Новочеркасского индустриального института. Одновременно с учебой трудился дежурным электромонтером Новочеркасской городской электросети.

Леонид Васильевич так описал этот период своей жизни:

«В 1933-1939 годах учился в Новочеркасском индустриальном институте на энергетическом факультете. Во время учебы в институте работал в 1934-1937 гг. в Горэлектросети г. Новочеркаска электромонтером, мастером по ремонту электрооборудования. Затем меня перевели на Районную понизительную подстанцию при Новочеркасском паровозостроительном заводе имени Буденного. Во второй половине 1937 г. паровозостроительный завод был передан в Наркомат вооружения для производства пушек и стал именоваться Артиллерийским заводом № 352. Понизительная под-

станция стала цехом № 11 завода. В этом цехе я работал до окончания в 1939 г. института сменным инженером и заместителем начальника цеха № 11».

Навсегда сохраняются в памяти те, кто в студенческие годы учил не только наукам, но и самой жизни. Л.В. Смирнов своим жизненным учителем считал заведующего кафедрой «Электрооборудование промышленных предприятий» М.В. Пальшау. Об этом он рассказывал молодым специалистами, направленным после окончания НПИ на «Южмаш». Леонид Ваильевич отзывался о нём, как об интереснейшей личности, связанной с историей России и СССР. Согласен с Леонидом Васильевичем и автор этого повествования. В 1958 году Михаил Владимирович читал нам, будущим ракетостроителям из КБ «Южное», лекции об энергетике промышленных предприятий. Стройный в свои семьдесят с «гаком» лет, элегантный. Чувствовалась в нем немецко-дворянская кровь.

18 марта 1887 года в Витебске, в семье Владимира Николаевича и Любови Николаевны Пальшау, имевших древние немецкие корни (предки Владимира Николаевича переселились в Россию еще при Петре I, при нем же получили дворянское звание), родился сын Михаил. Отец в ту пору был младшим инженером губернского управления, затем – губернским архитектором. Мать – возглавляла городскую гимназию, до замужества окончила Императорские Высшие Женские Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге. Поэтому в семье прекрасно владели французским и немецким языками,

чему научили и сына. В 1900 году семья переехала в Житомир (Украина) по новому месту службы отца. Позже Житомир стал городом, где родился Сергей Павлович Королев. В Житомире Михаил Пальшау поступил в 1-ю мужскую гимназию. Ее он закончил в 1905 году. К этому времени он отлично знал польский язык и, конечно, украинский. Украинский язык сложился на основе польского языка с частью русских слов. Возьмите пять тысяч украинских слов и обнаружите, что половина из них польские. Сказалось то обстоятельство, что почти четыреста лет Киев вместе с Житомиром входили в состав Польши.

Но больше всего Михаила увлекали математика, механика, физика. Особенно заинтересовал его раздел «Электричество». Поэтому в том знаменитом забастовочном 1905 году Михаил Пальшау сдал вступительные экзамены на физико-математический факультет Петербургского университета.

Студенческая жизнь увлекла его свободой. Михаил вступил в партию ЭСЭРов, стал принимать участие в подпольной политической жизни Санкт-Петербурга. Был активным участником студенческих протестных сходов. За антиправительственную деятельность в 1906 году его арестовали и препроводили в тюрьму западно-украинско-польского города Луцка Волынской губернии.

В тюрьме он организовал бунт заключенных. Они выступили против внутреннего тюремного распорядка. Михаил

был уличен в нападениях на тюремных чиновников и стражу. За это ему полагалось два месяца тюремной строжайшей изоляции, то есть карцер. Но когда тюремный следователь узнал, что перед ним не просто возмутитель тюремного спокойствия студент Михаил Пальшау, а революционер, то инициировал постановление министра внутренних дел о высылке М.В. Пальшау «под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию на два года, считая срок с 20 ноября 1907 года». По ходатайству родителей взамен высылки ему был разрешен выезд за границу с условием возвращения в пределы России не ранее 20 ноября 1909 года. То есть ссылка была заменена «путешествием» в Европу. Чудеса творились в царской России!

Но это случилось, когда министру внутренних дел сыщики доложили: Михаил Пальшау вышел из партии ЭСЭРов. Кстати сказать, впоследствии ни в каких партиях он не состоял.

Когда Михаил Пальшау возвратился в Россию, решил продолжить прерванное обучение. Поступил по конкурсу в Петербургский электротехнический Императора Александра III институт.

Успешно завершив обучение в институте 6 мая 1916 года со званием инженера-электрика первого разряда, он буквально ворвался в бурную российскую жизнь на станции Рубежное Харьковской губернии.

В России началась революция. В 1917 году рабочие завода

взрывчатых веществ Рубежного избрали Пальшау, как опытного революционера, в Лисичанский Совет рабочих депутатов.

После Октябрьской революции 1917 года Пальшау стал горячим сторонником Ленинского плана электрификации страны ГОЭРЛО.

Пальшау энергично стал электрифицировать Урал. В Челябинске он был назначен заведующим электротехнического отдела строительства Челябинской ГРЭС. Одновременно он стал главным инженером строительства.

Он с головой ушел в работу по строительству большого числа электрических подстанций и электросетей на Урале. Златоуст, Кыштым, Копейск, Сатка и другие города Урала от Соликамска до Магнитогорска – вот его большая строительная площадка, зона его ответственности в это время. С момента пуска Челябинской ГРЭС Михаил Владимирович приказом по «Главэлектро» был назначен главным инженером по строительству электросетей и подстанций всего Урала. Он и организовал Управление «Уралэлектросеть» в Свердловске.

Пальшау был награжден нагрудным знаком «За честную и преданную работу» и почетной грамотой.

В 1928 году Михаил Владимирович был одним из организаторов и участником Всесоюзного электротехнического съезда в Москве.

О научно-технической эрудиции Михаила Владимирови-

ча Пальшау и значимости выполненных им работ можно судить по названию подготовленных им отчетов: «Обследование и подсчет нагрузок Грозненского и Махачкалинского районов Дагестана» (по заданию СНК Дагестана, 1927 год); «Финансово-экономическое обследование района сплошной сельскохозяйственной электрификации» (Башэлектро, 1927 год, Башкирия); «О планировании города Славянска» (по заданию СНК Украины, 1932 год).

Есть и совсем далекие от энергетики работы: «Проект летательного аппарата по принципу полета насекомого» (направлен в Авиационную академию, 1929 год), «Об исследовании взрывных процессов методом экспонент».

Высокие темпы развития тяжёлой индустрии и электрификации промышленности СССР в годы первой пятилетки (1929–1932 г.) потребовали значительного увеличения выпуска инженеров-электриков, специалистов в области электрификации предприятий, электропривода и электрооборудования промышленных установок. Поэтому в 1931 году в Новочеркасском индустриальном институте (новое название политехнического) была начата подготовка инженеров по специальности «Электрооборудование промышленных предприятий». Для подготовки инженеров-электриков потребовалось организовать специальную кафедру. В июне 1933 года Пальшау, как инженер-электрик, имевший 19-летний производственный стаж, был приглашен дирекцией Северо-Кавказского индустриального института (Новочер-

касс) на преподавательскую работу для организации и заведования кафедрой «Электрооборудование промышленных предприятий» (ЭОПП). Михаил Владимирович принял это предложение и переехал в Новочеркасск.

Студента Смирнова сразу же заметил Пальшау. Михаилу Владимировичу были нужны студенты с организаторскими способностями, ведь надо было создать лабораторную базу кафедры. Для ее организации в 1935 году было выделено специальное помещение в энергетическом корпусе института. Но где взять электрооборудование для кафедры? Закупить его за границей? Денег на это не было отпущено. Пришлось Пальшау собирать «с миру по нитке голому рубашка». Используя свои старые знакомства на прежних местах работы, Михаил Владимирович стал приобретать для кафедры электрические машины, измерительные приборы. Ему помогал в этом Лёня Смирнов. Выезжал в Подмосковье, на Урал, на Северный Кавказ, привозил оттуда на предоставленном ему грузовике электромашину и приборы.

Как-то Лёня рассказал Михаилу Владимировичу о необычной легенде, услышанной на новочеркасском Азовском рынке. Вроде бы где-то когда-то возле института был раскопан курган и в нем оказались несметные золотые богатства.

– Может быть, и нам порыться в этом кургане? Найдем золотишко, закупил для кафедры иностранное оборудование? Михаил Владимирович улыбнулся:

– Идея великолепная. Надо будет посоветоваться с секретарем партячейки.

Секретарь заинтересовался легендой, обратился в НКВД. Там предложили вести поиски совместно. Сколько не старались, но пришлось все же оснащать кафедру оборудованием, выпрошенным у бывших коллег Пальшау по выполнению плана ГОЭРЛО. Однако, сотружники НКВД всё же заподозрили Пальшау в сокрытии скифского золота.

Самое примечательное заключалось в том, что Пальшау учил Лёню Смирнова при выполнении работ быть по-немецки скрупулезно точным и педантичным, не повышать голос при разговоре с подчиненными, требовать с них максимальной отдачи и при этом не забывать о их нуждах. Эти немецкие качества учителя пригодились Смирнову, когда он стал государственным деятелем.

В аудитории Лёня с удовольствием слушал лекции своего учителя.

М.В. Пальшау читал лекции по основным специальным электротехническим дисциплинам, руководил курсовым и дипломным проектированием. Михаил Владимирович имел авторитет у молодежи – сказывалось его революционное студенческое прошлое.

Для него первым из студентов был Лёня Смирнов.

Под руководством Пальшау студент Смирнов и аспирант кафедры Селезнёв вели научные разработки. Одна из них – фотореле для управления электроприводом станков по за-

данному графику с помощью подвижной диафрагмы. Об этом было доложено на Ростовской областной научно-технической конференции.

За период с 1934 по 1938 год кафедра выпустила 328 молодых специалистов.

Вот такой учитель электротехники и жизни был в Новочеркасском индустриальном институте, от которого Леонид Смирнов набрался организаторской хватки. Таким же был М.В. Пальшай и у нас, студентов электромеханического факультета Новочеркасского политехнического института в 1958 году, ставшим впоследствии ракетос трое ителями в ракетно-космическом КБ «Южное».

В должности заведующего кафедрой ЭОПП Михаил Владимирович Пальшау пробыл до 23 мая 1938 года. В этот день он был арестован по постановлению Особого Совещания НКВД СССР и осужден 11 января 1940 года к заключению в исправительно-трудовые лагеря на пять лет.

Тяжело переживал арест своего учителя Лёня Смирнов. Как это могло случиться, что звезда электротехники вдруг стал врагом народа? Понять этого было невозможно. Объяснение случившемуся пришло значительно позже.

Но своего учителя Леонид Васильевич Смирнов не забыл.

4. Инженер-электрик Л.В. Смирнов в артиллерийской среде

В стенах института Леонид Смирнов нашел свою семейную половинку. На том же факультете одновременно с ним училась Галина Сильвестрова. В силу непролетарского происхождения – дочь сельского священника – она подвергалась несправедливым нападкам. Это возмутило Леонида и он взялся её защищать: опекал, помогал учиться, поддерживал в трудные минуты.

Выяснилось, что у них много общих интересов. Это и страстное желание получить высшее образование, и стремление проникнуть в тайны электротехники, и любовь к спорту: Леонид и Галина вместе защищали спортивную честь института, Новочеркаска и области.

Кроме спорта у них было еще одно общее хобби – танцы. Танцевали они где только было возможно. Репертуар их состоял, как правило, из множества танцев, это были не только распространенные у нас вальсы, танго и фокстроты, но и даже такие экзотические, как зажигательная кубинская румба. Все с восхищением и восторгом принимали выступления этой симпатичной пары. Собственно говоря, спорт и танцы сблизили Галину и Леонида – еще до окончания вуза в 1938 году они поженились. 10 декабря 1938 года у Смирновых родилась дочь Юля.

В 1939 году Леонид Смирнов закончил энергетический факультет Новочеркасского индустриального институт и получил официальный документ:

«ДИПЛОМ с отличием № 228506

Предъявитель сего тов. Смирнов Леонид Васильевич в 1933 г. поступил и в 1939 г. окончил полный курс Новочеркасского Индустриального Института имени Серго Орджоникидзе по специальности электрические машины и аппараты, электропривод 18 апреля и решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 18 апреля 1939 года ему присвоена квалификация инженера-электрика.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ КОМИССИИ**

(подпись неразборчива)

ДИРЕКТОР (подпись неразборчива)

СЕКРЕТАРЬ (МИРОНОВА)

ПЕЧАТЬ ИНСТИТУТА»

Аналогичный диплом получила его жена Сильвестрова Галина Николаевна. Эти документы они хранили всю жизнь.

Леонид был распределен на Артиллерийский завод № 352, где и работал ранее.

История этого завода интереснейшая. Новочеркасский завод строился как паровозостроительный. Начата стройка была 8 ноября 1932 года в 10 километрах от Новочеркаска, вблизи посёлка Яново. В самом начале строительства воз-

двигается деревянная арка с надписью «Паровозострой». С большими трудностями начиналась эта огромная стройка в голой степи. Не было жилья для рабочих, транспорта, не хватало рабочей силы. Но несмотря на трудности, «Паровозострой» превратился в одну из крупнейших строек не только на Дону, но и по всей России. В 1934 в степи выросли два первых пятиэтажных дома. Было положено начало новому посёлку паровозостроителей, впоследствии получившему название Соцгород. Завод строился быстрыми темпами. С 1932 по 1936 год были построены: инструментальный корпус, модельный цех, часть литейного корпуса и кузнечно-го цеха, главный корпус и другие объекты. 1 мая 1936 года новочеркасцы рапортовали о выпуске первой партии трёх промышленных узкоколейных паровозов типа 159 (0-4-0). В 1937 завод выпустил уже 70 таких паровозов и приступил к освоению мощных танк-паровозов нормальной колеи типа. В 1937 году завод перешёл в Наркомат вооружения и был перепрофилирован в артиллерийский № 352.

Перепрофилирование производства завода № 352 было срочным. С Пермского военного завода в Новочеркасск было завезено оборудование, прибыли специалисты – «пушкарри». К концу 1938 года завод начал выпуск зенитных установок ЗУ-4 и 122-мм полевых пушек МЛ-19 и МЛ-22, а весной 1939 года Красная Армия испытала новочеркасские полевые пушки, которые артиллеристы называли «аннушками».

Так, ещё будучи студентом, Леонид Смирнов «вошёл»

в оборонную промышленность.

После окончания института он был назначен начальником электроцеха Артиллерийского завода № 352.

Через два месяца получила высшее образование Галина Николаевна Сильвестрова. По распределению она стала инженером-инспектором Энергосбыта по городу Новочеркаску, а с марта 1941 года работала на заводе № 352 вместе с мужем.

В начале 1941 года на Новочеркасском артиллерийском заводе работало более 6 тысяч человек. Это были высококвалифицированные специалисты и рабочие. Казалось, что все трудности позади. Впереди интересная работа и жизнь. Но в июне 1941 года началась война...

5. Военные трудовые будни под контролем наркома вооружения Д.Ф. Устинова

С первых дней войны артиллерийский завод № 352 перешел на военный режим работы – десятичасовые смены, строжайшая дисциплина. В цехах завода выпускали полевые пушки и вели ремонт техники, пришедшей с фронта: танков, минометов, «самоходок». К середине осени фронт уже приблизился к Новочеркасску. События того времени описал в своих мемуарах Б.А. Хазанов – ветеран Наркомата вооружений СССР:

«В октябре 1941 года мне поступило указание Д.Ф. Устинова – вылететь в Новочеркасск на артиллерийский завод им. С.М. Буденного и обеспечить там выполнение октябрьского плана по выпуску корпусных 122-мм и 107-мм пушек...

В то время обстановка на фронтах усложнялась с каждым днем. На юге лавина немецко-фашистских войск подкатывалась к Ростову. Уже были захвачены Мариуполь, Таганрог. Под угрозой находился Новочеркасск. Этого нельзя было не учитывать. Я и в мыслях не допускал, что завод может попасть в руки врага... Уже 19 октября на завод прибыли ответственные представители областных организаций с требо-

ванием немедленно приступить к взрыву завода. Я категорически воспротивился этому, предложив организовать вывоз оборудования в глубокий тыл...

Я знал, что в городе Шахты расположен какой-то войсковой штаб. Не раздумывая, поехал туда. Оказалось, что в городе был штаб 9-й армии генерал-майора Ф.М. Харитонова. С трудом уговорил дежурного офицера пропустить к командиру, а появившись в его кабинете, с порога выпалил:

– Нужны ли вам, товарищ командующий, корпусные 122-мм и 107-мм пушки?

Харитонов, кажется, с недоумением встретил мой вопрос, но, когда я объяснил суть дела, приказал своему заместителю по тылу генерал-майору Корякину и военному комиссару тыла Жадану немедленно выехать на завод. Результатом этой поездки явился приказ по тылу 9-й армии. Согласно приказу на основании Постановления Государственного Комитета Обороны от 10 октября 1941 г. работники завода объявлялись мобилизованными до полного окончания эвакуации завода и сдачи продукции октябрьского плана Южному фронту. Самовольное оставление работы, уход с завода и невыполнение установленного задания рассматривались как дезертирство с фронта, а виновных предлагалось привлекать к ответственности по законам военного времени...

В октябре завод выпустил 390 пушек А-19 и 109 пушек М-60. Около половины из них было передано Южному фронту, в основном 9-й армии. Последние пушки собира-

лись уже с помощью красноармейцев и испытывались непосредственно в боях...

Вскоре первые поезда ушли на восток. Самое активное участие в организации эвакуации завода принимали главный механик М.И. Пушкарев и начальник электроцеха Л.В. Смирнов...»

В одном из первых эшелонов из Новочеркасска выехали жена и дочь Л.В. Смирнова. По дороге, почти до самого Сталинграда, эшелон бомбили и пассажиры натерпелись страха.

Сам Смирнов оставался на заводе и обеспечивал демонтаж оборудования, его погрузку и комплектацию составов.

Леонид Васильевич так вспоминал об этом:

«Я работал в то время в «зоне боевых действий» под авиационной бомбежкой и артиллерийским обстрелом.

Электроцеху завода, начальником которого я был, поручили эвакуировать все электротехническое оборудование станков, электроподстанций, кабельных и воздушных сетей всех цехов и служб завода.

Поскольку была большая угроза захвата немцами завода, одновременно с эвакуацией нами проводилась совместно с воинской частью подготовка корпусов зданий цехов и различных объектов завода к уничтожению. Как начальник электроцеха, я отвечал и обеспечивал электропитание к взрывным устройствам.

В конце октября 1941 года по окончании вывоза основного оборудования меня мобилизовали и с последним эше-

лоном направили на Воткинский артиллерийский № 235 с поручением сопровождать и сдать оборудование по назначению».

Последний заводской эшелон, в котором был Леонид Васильевич, уходил из Новочеркаска под обстрелом.

Почему именно Воткинск был выбран местом для эвакуации артиллерийских предприятий? Причин было несколько. Воткинск находился в Удмуртии, возле Уральского хребта, являющегося границей между Европой и Азией. Город был удалён значительно удалён от западных границ СССР. В Воткинске находился завод № 235, выпускавший снаряды и авиа-бомбы. За несколько лет до войны был передан в Наркомат вооружения. Начался сложный процесс превращения этого завода в артиллерийский № 235. Перед войной на заводе освоили производство мощной дивизионной 152-мм пушки М-10 образца 1938 года. Поэтому Наркомат вооружения справедливо считал, что артиллерийские заводы целесообразно эвакуировать туда, где уже были предприятия такого же профиля. Это позволило оперативно вводить эвакуированные заводы в строй.

В августе 1941 года в Воткинск прибыл эвакуированный из Киева завод № 393 («Арсенал») – 1100 вагонов с оборудованием, материалами и 2990 высококвалифицированными рабочими, специалистами. Начальником одного из эшелонов был 26-летний С.В. Гусовский – будущий Герой Социалистического Труда и Генеральный директор киевского

завода «Арсенал» в 1966-1983 годах. Уже через три дня после прибытия «арсенальцев» в Воткинск заработал механический цех численностью более 1200 человек, руководителем которого стал С.В. Гусовский.

Несколько позднее Воткинский завод принял еще около тысячи рабочих и специалистов подмосковного завода им. М.И. Калинина (завод № 88). После война на месте подмосковного завода № 88 был создан знаменитый ракетостроительный НИИ-88, где начал свою успешную карьеру ракетостроителя С.П. Королёв.

Прибыли в Воткинск и 620 человек с ленинградского завода «Большевик», где начинали в тридцатые годы свою трудовую деятельность выдающийся государственные деятели Д.Ф. Устинов и Л.Н. Гонор.

Пятнадцатью эшелонами с Новочеркасского завода № 352 было доставлено 700 металлорежущих станков и более 600 единиц другого оборудования, около 7 тысяч рабочих и 3 тысячи членов их семей. Работники Новочеркасского завода даже успели демонтировать мостовые краны и выкопать весь заводской кабель. Все это потом очень пригодилось.

Всего в Удмуртию эвакуировали 34 предприятия. Для того, чтобы быстрее ввести в эксплуатацию прибывшее оборудование, было принято решение – на базе существующей инфраструктуры завода № 235 объединить все предприятия в одно. Было создано 11 новых цехов и практически родился новый завод.

Сложной проблемой было размещение прибывших людей – ведь Воткинск тех лет был небольшим городком. Семье Смирновых (к которой присоединилась тёща Леонида Васильевича) выделили две маленькие комнатки в небольшом двухэтажном бревенчатом доме, где жило еще 6 семей. По тем временам это было неплохо – многие жили в землянках и палатках.

В начале войны Наркомат вооружения передал Воткинскому заводу производство 45-мм противотанковой пушки «аннушка». Выполнению этого заказа придавалось огромное значение. Бой противотанковой пушки и танка являлся был в неравных условиях. Танк находился в движении и мог маневрировать. Такой возможности была лишена пушка.

Кроме того, танк был укрыт броней, а щит пушки мог защитить бойцов только от пуль и мелких осколков. Поэтому противотанковая артиллерия несла большие потери не только личного состава, но и материальной части. Пушки необходимо было восполнять за счет производства.

Когда в конце 1941 г. на заводе было допущено отставание по выпуску на 15 единиц орудий, председатель Государственного комитета обороны И.В. Сталин направил в Воткинск телеграмму:

«Нельзя, чтобы наши войска страдали на фронте от недостатка противотанковых средств, а в глубоком тылу прохладались и бездельничали»

Впоследствии Воткинский завод освоил выпуск и других

артиллерийских систем: 45-мм противотанковой пушки «верочка», 57-мм противотанковой пушки ЗИС-2, 76-мм дивизионной пушки ЗИС-3, 76-мм пушки для самоходных артиллерийских установок САУ-76 и других средств вооружения.

Начало своей работы в Воткинске Л.В. Смирнов охарактеризовал так:

«По прибытии на Воткинский артиллерийский завод № 235 мне поручили возглавить работу по созданию цеха центробежного литья артиллерийских стволов. Мы изготавливали заготовки типа трубы вместо цельнокованных. Эта замена на литые трубы позволила существенно увеличить выпуск противотанковых пушек, необходимых для фронта».

Л.В. Смирнов по образованию не был металлургом, но он смог организовать дело так, что цех был создан и заработал. Руководство завода поняло, что начальник литейного цеха – перспективный специалист, способный на многое.

Супруга Л.В. Смирнова, Галина Николаевна, после прибытия в Воткинск, также работала на заводе № 235 инженером-электриком до ухода в декретный отпуск.

В 1943 году Л.В. Смирнов вступил в ряды ВКП (б) и был назначен заместителем главного энергетика завода. Деятельность энергетического комплекса – определяющая в жизни завода: вырабатываемые электроэнергия и пар приводили в действие оборудование – станки, прессы, молоты. Постоянного внимания требовало заводское электрооборудование. Любой сбой в работе был чреват остановкой производства.

По рассказам Л.В. Смирнова, работать приходилось по 14 часов в сутки, практически без выходных.

Деятельность Смирнова на «энергетическом фронте» высоко ценилась на заводе. Руководители завода (в 1941-1943 годах директором был А.П. Золотарев, в 1943-1946 годах. – Ф.К. Чеботарев) и главный энергетик Б.Ю. Кошкен отмечали его выдающиеся организаторские качества, целеустремленность, умение находить выход в сложных ситуациях.

Один из аварийных случаев, произошедших в энергосистеме завода, когда Смирнов оказался в эпицентре катастрофического события, описывается в книге Воткинского завода «Нас объединяет Победа!», изданной в 2010 году:

«1 апреля 1943 года в котельной ТЭЦ (цеха № 41) раздался взрыв – и на завод обрушилась тишина. Погас свет, замерли станки. Только добравшись до места аварии, люди смогли оценить истинный масштаб катастрофы: чугунный грязевик котла разорвало на куски. В помещение словно попала бомба. Из всей смены – пятерых рабочих – не выжил никто...

Из строя вышла вся энергосистема предприятия: котел – турбина – генератор – трансформатор – станки. Кроме того прекратилось отопление цехов. Нужно было как можно быстрее найти выход и вновь запустить производство...

Штаб предприятия и энергетики нашли смелое решение. На рельсы, проложенные вдоль реки рядом с цехом № 41, установили около дюжины сцепленных паровозов. Их генераторы подключили в единую сеть – и цехи получили электр

троэнергию...

В течение двух недель установили новый котел и заменили лопнувшие батареи. Завод вернулся к привычному ритму работы».

Руководство Наркомата вооружения большое внимание уделяло своим предприятиям. Не был исключением и Воткинский завод. Нарком Д.Ф. Устинов часто бывал здесь, досконально знал состояние дел и хорошо изучил заводские кадры. Л.В. Смирнова нарком считал перспективным работником.

В июле 1944 года в семье Смирновых произошло радостное событие – родился сын Олег.

Из воспоминаний доктора технических наук, профессора, заведующего кафедрой прикладной информатики Московского авиационного института, заслуженного деятеля науки и техники РФ Олега Леонидовича Смирнова:

«Когда в начале 1942 года под угрозой захвата немцами оказались Ростов и Новочеркасск, всех эвакуировали в Воткинск Удмуртской АССР. Отец попал на предприятие по созданию противотанковых артиллерийских систем, где работал сначала начальником цеха, затем заместителем главного энергетика, начальником теплоэлектроцентрали, а позднее стал главным энергетиком артиллерийского завода. Маму с моей сестрой отправили в Воткинск раньше отца, потому что перед ним стояла задача – укомплектовать составы, погрузить оборудование и т. д. Как мама рассказывала, по-

пали под бомбёжку, поезд разбили, женщины с детьми бежали по степи, с грехом пополам добрались до Воткинска. Жили в небольшом двухэтажном бревенчатом доме, у них там была квартира – две маленькие комнатки. В эвакуации с нами жила и моя бабушка (мамина мать). В этом доме жило шесть семей. На две квартиры – одна кухонька.

Я родился в военном 1944 году – 20 июля. Воткинск полностью перепрофилировался на артиллерию – делали противотанковые пушки. Работали по 20 часов в сутки, практически без выходных (хорошо, если раз в месяц выпадал выходной). Отец был довольно скуп на слова. Но я запомнил его рассказы о том, как они любили кататься на финских санях с длиннющими полозьями. Человек 15 могли встать, держась друг за дружку, и скатиться с горки.

В Воткинске есть озеро, которое называется Воткинский пруд. Ряд своих произведений композитор П.И. Чайковский, который родился в Воткинске, создал, переживая детские впечатления от природы родного края. В частности, прообразом его «Лебединого озера» послужил Воткинский пруд.

Так вот я помню, как тонул в этом озере, и отец меня спас. Мне было, наверное, года четыре. В воскресный летний день поехали отдыхать... Шёл я по борту небольшого катера, а борта были мокрые, поскользнулся и – плюх! До сих пор помню (какая фантастическая у человека память!): открыл рот, чтобы заорать (а на улице и в других местах я всегда орал басом, как мама говорила: «Пол-Воткинска тебя

слышало»), но под водой одни бульки пошли. Отец увидел пузыри, прыгнул в озеро и вытащил меня. А я уже нахлебался. Взяли за ноги, потрясли – вода вылилась.

Помню ещё такой интересный эпизод. Меня там укусила собака за руку, наверное, я что-то не то с ней сделал. Врачи сказали, что надо делать уколы (40 уколов в живот!) от столбняка, на всякий случай. Первый раз меня повела мама, а мне в день нужно было делать два укола. Она преподавала, у неё было трудно со временем – то лекции, то какие-то занятия; отец всё время работал. Так они мне сказали:

– Давай, Олег, вот что сделаем: купим тебе велосипед (а это была моя мечта!), но ты сам будешь ездить к врачу.

Купили мне велосипед, и я на трехколёсном велике ездил получать свои уколы.

Времена были голодные для всей страны. Запомнилась любимая еда – тюря: чёрный хлеб, покрошенный с сырым луком, залитый квасом. Один раз отец был в командировке, по-моему, в Москве и привёз нам с сестрой гостинцы – две плюшки. Тогда любили из теста делать всяких жаворонков, вместо глаз – две изюминки. И я, гордый, с этой плюшкой – пахнущей, белой – выхожу на улицу. Подбегает пацан, постарше меня года на два-три, такой хулиганистый, с рогаткой – а я ещё тогда не умел сам рогатки делать – и говорит, шмыгая носом:

– Давай поменяемся: я тебе рогатку, а ты мне плюшку.

И я, отрывая от себя:

– Давай.

Пока я прицеливался, по каким бы стёклам стрельнуть, он мгновенно смял эту плюшку, выхватил рогатку и дёру. Как я заревел на весь Воткинск... Бартер не состоялся...

Запомнилось, что о том времени отец говорил: «Пахали все, как папа Карло». Напряжёнка была страшная. В Воткинске делали пушки «сорокапятки», но они не брали «тигров» и «пантер», поэтому перешли на пушки 76-го калибра».

К воспоминаниям Олега Леонидовича хочется добавить ещё один жизненный эпизод на этот раз из жизни автора этой книги. Будучи молодым специалистом, мне пришлось поработать в Воткинске, на артиллерийском заводе № 235. Я был командирован в Воткинск в составе бригады специалистов, чтобы помочь заводчанам освоить производство новой ракеты. Воткинск был маленьким городком. Увидел городской пруд, окрестности города, недалеко реку Каму. Переходя её по льду, я отморозил себе нос. Незнакомые путники заметили обморожение, бросились посреди Камы оттирать мой нос. В этих прекрасных местах не мог не родиться гениальный композитор Чайковский. Заводчане тоже были великолепными людьми – артиллеристами и ракетостроителями.

Воспоминание О.Л. Смирнова из школьных лет:

«...Отец был суровым человеком в части воспитания, особенно меня, потому что я был хулиганом. Однажды заигрался в хоккей (я очень любил и хоккей, и футбол). Помню, что подошла моя очередь стоять на воротах. Коньки кое-как

примотал верёвочками – и вперёд. Разыгрались. Вдруг мама высовывается в форточку:

– Олег, домой пора, надо делать уроки.

А ребята подзадоривают:

– Ты чё? У нас хоккей. Да пошли ты её.

Я маме в ответ:

– Да не пойду я. Отстань.

Мама выбегает в халате, в тапочках на босу ногу, как сейчас помню, а зима – холодно. Ребята:

– А ты ей крикни «Москва, Воронеж – фиг догонишь (только на другую букву – х).

Я и крикнул это (хотя тогда и смысла не понимал), она чуть в обморок не упала.

Догнала меня, взяла за шкурку – я трепещу как пойманный окунёк – затащила домой:

– Ну смотри, я всё отцу расскажу.

Я хорохорился-хорохорился. А часов в пять утра отец приехал с работы, ему мама рассказала, как я при всех ее оскорбил, вместо того, чтобы идти делать уроки. Он молча взял свой офицерский ремень – кожаный, с пряжкой – и этим ремнём ка-а-ак отделал меня. Ой! Это мне очень запомнилось.

Он был строг, но справедлив. Если я делал что-то неподобающее, он мог дать кулаком по столу так, что все тарелки взлетали вверх сантиметров на тридцать.

Подчинённые его боялись и уважали, но никто не говорил:

эта сволочь придирается, пьяница или что-то ещё. Никогда на работе не пил – только в дружеской компании по особым случаям...»

6. Государственные командиры оборонного трудового фронта

В конце шестидесятых годов собралась как-то вечером в гостинице на полигоне Капустин Яр теплая компашка испытателей ракет. Пригласили и технического руководителя испытаний, заместителя главного конструктора ОКБ-586 (ныне КБ «Южное» – С.А.) Героя Социалистического Труда Василия Сергеевича Будника. Спирт наливали в граненые стаканы, разбавляли, конечно, томатным соком. Получался напиток «Кровавый Мэри». Вспомнили о прошлых испытаниях ракет. Василий Сергеевич задумчиво произнес:

«Уважаемые коллеги! Мы вспомнили о прошлых испытаниях ракет. Подняли стаканы за наших главных – Смирнова, Янгеля, Глушко, Королёва. Но мало кто из нас помнит первого организатора после Великой отечественной войны ракетных исследований в СССР? Предлагаю тост за него, за Льва Робертовича Гонора!»

Вот так я впервые услышал его имя. Видя заинтересованность многих из нас, Василий Сергеевич сказал:

– Гонор был нашим советским Дорнбергером, создавший в Германии ракетное производство. Вернер фон Браун был конструктором. Настоящие имя и отчество Гонора – Лейба Рувимович. По указанию Сталина он создал в Подмоскowie институт, в котором вырос до космических высот Сергей

Павлович Королёв. Зря забыли о Гоноре. Интереснейшим человеком был он.

Действительно, забыли на многие годы. В 1990 году в московском издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» вышла толстенная книга Александра Романова «Королёв». Показал я её В.С. Буднику. Василий Сергеевич расстроился:

– Неужели Романову доставляло удовольствие «высасывать из пальца» то, чего никогда не было! Никогда Королёв не встречался со Сталиным! В то время Королёв был птицей не такого полета, чтобы беседовать на одном уровне со Сталиным! Да и назначил Королёва начальником отдела в НИИ-88 не министр Устинов, а начальник НИИ-88 Гонор. Станислав, поищи более правдивый материал о НИИ-88.

И я его нашел в журнале «Инженер» № 1 за 1992 год. Материал назывался «Лубянка в награду». Его автор кандидат физико-математических наук Володар Петрович Лишевский, окончивший математический факультет МГУ, опубликовавший научно-популярные и научно-фантастические книги.

Прочитав в журнале «Инженер» историческое повествование Лишевского, Василий Сергеевич заявил:

– Ну, наконец-то, нашелся человек, рассказавший правду о Гоноре.

Дмитрий Устинов и Лейба Гонор познакомились на ленинградском заводе «Большевик». Оба закончили Ленин-

градский военно-механический институт по специальности «инженер-механик по артиллерийскому вооружению», Устинов в 1934 году, Гонор в 1929 году. Первыми должностями бывших студентов были – мастер, затем заместитель начальника цеха, начальник цеха, заведующим производством. Вскоре Устинов занял директорское кресло, а Гонор стал главным инженером.

Правительство устроило им жесткое испытание. Приказано было освоить производство новейших по тому времени артиллерийских систем. Жесткие плановые сроки срывались, несмотря на предпринимавшиеся усилия. Директор и главный инженер пришли к выводу, что необходима заводская реконструкция, а для этого следует завод остановить. Многие восприняли такое предложение, как авантюристическое, даже расстрельное. За невыполнение плана Сталин расстреляет! Но завод был остановлен, заводской коллектив в течение восьми месяцев построил новый сборочный цех, в нём было установлено современное оборудование. В течение следующих четырех месяцев заводской коллектив не только выполнил правительственные задания, но и перевыполнил их.

Устинов и Гонор сознательно пошли на риск. Если бы завод сорвал изготовление артиллерийских систем, то его руководители предстали бы перед «чрезвычайной тройкой», а её приговор – расстрел. Но директор и главный инженер показали всей стране, как надо творчески, умело под-

ходить к решениям производственных проблем и правительственных заданий. За выдающееся достижение завод «Большевик» был награжден орденом Ленина. Орденоносцами – Ленинцами стали Устинов и Гонор. Их взял на заметку Сталин. Ситуация повторится через десять лет, но со Смирновым. Леонид Васильевич в Воткинске нашёл способ возобновить работоспособность артиллерийского завода в Воткинске. Смирнова взял на заметку нарком Устинов.

В 1938 году руководитель государства решил навести порядок на Сталинградском артиллерийском заводе «Баррикады», неоднократно срывавшем производственные программы.

Иосиф Виссарионович особое внимание уделял не только авиации. 20 января 1938 года после первых выборов депутатов в Верховный Совет СССР был устроен прием в честь народных избранников в Большом Кремлевском Дворце. На нем Сталин произнес интереснейшую речь. Вот выдержки из нее:

«...После того отряда советских людей, которых я назвал отрядом героев Гражданской войны,... я больше всего люблю наших летчиков. Вы уж простите меня, товарищи, это моя слабость... Но дело одной авиацией не ограничивается, товарищи. Если посмотреть историю войн, то чем решаются большие военные столкновения? В старое время авиации, конечно, не было. Что такое авиация? Авиация мешает врагу, она расстраивает его планы, мобилизационные планы,

она наводит страх и морально разбивает противника. Это все хорошо. Но что еще требуется для того, чтобы добить противника? В конце концов, в войне добивает противника тот, у кого хорошая артиллерия. Чем брал Наполеон в своих войнах? Артиллерией, уверяю вас! Чем взяли немцы в 1870 году, как они разбили французов у Седана? Артиллерией, уверяю вас! Чем били немцы французов и русских во время империалистической войны? Смею вас уверить – артиллерией! Чем были биты немцы под Верденом? Артиллерией французов. Артиллерия – великая вещь, уверяю вас!.. Нет артиллерии, – нет армии, нет победы!.. Без хорошей артиллерии нет закрепления военных успехов... Я пью за то, чтобы наша артиллерия была первоклассной, чтобы она была лучше германской артиллерии, лучше, чем японская, чем английская артиллерия. (Шумные возгласы: «Ура!», «Да здравствует советская артиллерия, первая в мире!»).

Вы теперь понимаете, почему Сталин вызвал в Кремль Гонора. В кремлевском кабинете Л. Гонор попытался отказаться от предложения руководителя государства возглавить заводской коллектив Сталинградских артиллеристов, сославшись на свою молодость и малый стаж руководящей работы. Но Иосиф Виссарионович был непреклонен. Он произнес любимую поговорку: «Не боги горшки обжигают!».

Под руководством тридцатидвухлетнего директора на «Баррикадах» было реорганизовано производство. За перевыполнение плана завод был награжден орденом Ленина, а

Гонор стал дважды орденоносцем.

К началу 1942 года сталинградский завод «Баррикады» уже выпускал до 1000 орудий в месяц. 3 июня 1942 года за выдающиеся заслуги в освоении производства орудий и минометов в трудных условиях военного времени Лейбу Рувимовичу Гонору было присвоено звание «Героя Социалистического Труда». К тому времени Устинов прочно обосновался в Москве.

Наступил третий месяц лета 1942 года. Фашисты прорвались к Сталинграду. 23 августа в небе над заводом появился немецкий самолет-разведчик. Гонор понял, что фашисты намерены стереть с лица земли завод. Спасти завод директор не мог. Тогда он решил спасти людей. Лев Рувимович объявил следующие дни выходными. Выставленные утром на подходах к заводу пикеты заворачивали рабочих домой. Фашистские стервятники бомбили завод все дни. Он был полностью разрушен. Но массовая гибель работников была предотвращена. Из рабочих были сформированы вооруженные отряды. Они сражались с гитлеровцами на улицах города.

В ноябре 1942 года Сталин направил Лейба Рувимовича на Урал, в Свердловск, чтобы выдающийся организатор артиллерийских производств возглавил артиллерийский завод № 9, созданный на базе Уралмаша. На Урале Лейбу Рувимовичу было присвоено звание генерала-майора. В Свердловске он был награжден орденами. Один из них полководче-

ский – орден Кутузова первой степени.

В это время генерал, Герой Социалистического Труда, кавалер многих орденов Ленина Д. Устинов руководил военной промышленностью страны. В ее состав входила и артиллерия.

24 июня 1945 года оба «кузнеца» советского вооружения присутствовали на Параде Победы и праздничном приёме в Большом Кремлевском дворце. В это время Л. Гонор был уже сталинским директором ленинградского завода «Большевик». Д. Устинов – сталинским Народным комиссаром вооружения СССР. Дмитрий Фёдорович не только помнил Смирнова, но и следил за его трудовой деятельностью.

День Победы – 9 мая 1945 года – коллектив Воткинского машиностроительного завода встречал «со слезами на глазах». Сказалось перенапряжение военных лет. За время Великой Отечественной заводом было изготовлено более 52 000 артиллерийских орудий, что составило 11 % от всех, выпущенных за это же время в стране. За эти достижения в июле 1945 года Воткинский машиностроительный завод был награжден орденом Ленина. Л.В. Смирнов получил свою первую правительственную награду – орден Красной Звезды. Кроме этого Леонид Васильевич и Галина Николаевна были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

7. Закончилась война. Мирные трудовые будни – новые проблемы

Руководство Наркомата вооружения постоянно было в контакте с подведомственными предприятиями. Нарком Д.Ф. Устинов часто бывал и на Воткинском артиллерийском заводе № 235, досконально знал состояние дел и хорошо изучил заводские кадры. В июле 1945 года Смирнов получил за свою военную трудовую деятельность на Воткинском заводе орден Красной Звезды. Нарком считал Смирнова перспективным работником.

В 1945 году Л.В. Смирнова назначили начальником вновь строящейся ТЭЦ-3, а в 1946-м он стал Главным энергетиком завода № 235.

В 1947 году Л.В. Смирнова избрали депутатом Воткинского городского Совета депутатов трудящихся. С сентября 1947 года Галина Николаевна начала преподавать электротехнику в Воткинском машиностроительном техникуме.

В конце 1940-х страна возвращалась к мирной жизни: промышленность переходила на выпуск мирной продукции, многие предприятия возвращались из эвакуации на родные пепелища. У иженера-электрика из артиллерийского завода Л.В. Смирнова возникла проблема – что делать дальше? Ехать в разрушенный войной Новочеркасск – значит мыкаться с семьей без жилья. Здесь, в Воткинске, по крайней

мере, был налажен быт. На заводе Смирнов – человек уважаемый и авторитетный. Но Леонид Васильевич чувствовал, что знаний инженера-электрика в должности главного энергетика завода ему уже недостаточно. Но что предпринять, для Смирнова было весьма проблематично. Выход подсказала сестра Полина Васильевна – доцент Ленинградского электротехнического института инженеров сигнализации и связи (ЛЭТИИСС).

В годы войны она всю блокаду находилась в Ленинграде и работала в институте (В 1950 году этот институт был переименован в Ленинградский электротехнический институт инженеров железнодорожного транспорта). Когда после войны сестра встретила с братом, прежде всего, спросила:

«Что теперь будешь делать, Лёня?»

И не услышав четкого ответа, посоветовала:

«Иди учись! В Москве сейчас открывают новые академии».

При многих министерствах начали создаваться промышленные академии для повышения квалификации руководящих работников. Обучение двухгодичное, круг преподаваемых предметов весьма широк. Это как раз то, что было нужно. В 1948 году Л.В. Смирнов был зачислен слушателем конструкторского факультета Промышленной академии Министерства вооружения по специальности «Радиолокация».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.